

## Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.

Янина Карпенкина

**Sovietizing the Jews: the history of Soviet educational policy in Western Belorussia, 1939–1941**

*Yanina Karpenkina (National Research University  
Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

После начала Второй мировой войны и раздела Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 г. произошло воссоединение Западной и Восточной Белоруссии. К тому времени проживавшие на этих территориях евреи, формально являвшиеся одним народом, фактически существенно отличались друг от друга. По данным на 1 января 1941 г., население присоединённой к СССР Западной Белоруссии насчитывало 4815 500 человек (преимущественно белорусов и поляков, а также русских, украинцев и литовцев), среди них 404.5–500 тыс.<sup>1</sup> (8–9% общего числа) были местными евреями. В основном они проживали в городах, местечках и до установления советской власти составляли более 70% ремесленников и торговцев региона<sup>2</sup>. Кроме того, из Польши от нацистского режима бежала масса евреев, точное число которых невозможно выяснить сегодня. По приблизительным подсчётам, до Западной Украины и Западной Белоруссии добрались в общей сложности от 200–300 тыс. до 1 млн этих беженцев<sup>3</sup>. Как правило, они уходили дальше, на восток — в глубь Советского Союза, но какая-то их часть осталась в пределах его западных областей.

Начавшаяся там интенсивная советизация населения реализовывалась разными способами — от предоставления людям прав и возможностей до социальной инженерии, осуществлявшейся нередко насильственными методами. В результате в присоединённом регионе возникли проблемы, сопряжённые с военной разрухой, трудностями переходного периода, а также социальными, экономическими и политическими осложнениями в самом Советском Союзе. С осени 1939 г. местное население постоянно сопровождали репрессии, дефицит товаров, инфляция, спекуляция, контрабанда, хищение имущества, произвол местных властей и бюрократии, рост преступности и т.п. На этом фоне

---

© 2017 г. Я.В. Карпенкина

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

<sup>1</sup> Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 42; Levin D. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia, 1995. P. 18.

<sup>2</sup> Levin D. Op. cit. P. 18–21.

<sup>3</sup> Pinchuk B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the Eve of the Holocaust. Oxford, 1990. P. 107.

провозглашённые новой властью бесплатность и всеобщность образования оказались в крае едва ли не единственным её достижением.

Вопросы, связанные с советизацией еврейского населения Западной Белоруссии посредством реформирования системы образования, были рассмотрены в ряде работ американских, израильских и российских историков. Самой известной из них, пожалуй, является книга Я.Т. Гросса «Революция из-за границы: советская аннексия польских территорий Западной Белоруссии и Западной Украины»<sup>4</sup>. В отдельной главе, указав исключительно на негативные явления в новой советской школе (атеизм, тоталитарный контроль над программами преподавания и проч.), американский исследователь приходит к выводу о том, что вводимые в школе порядки привели к разрушению всей системы образования. В качестве основного источника Гросс использовал хранящиеся ныне в архиве Гуверовского института воспоминания поляков, служивших в армии генерала В. Андерса<sup>5</sup>. Поэтому в данной монографии освещены проблемы преимущественно польского населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.

Историю же еврейского населения этого региона в рассматриваемый период впервые представил израильский исследователь Б.-С. Пинчук в книге «Местечковые евреи под советской властью: Восточная Польша накануне Холокоста»<sup>6</sup>. Проанализировав еврейские мемуары и периодику, Пинчук констатирует: благодаря налаженной системе образования молодёжь оказалась наиболее восприимчивой к советской пропаганде, что значительно ускорило процесс разрушения вековой традиционной культуры местечковых евреев бывшей Польши.

Монография известного израильского историка Д. Левина (во время Второй мировой войны узника гетто, затем партизана в Литве) «Меньшее из двух зол: восточноевропейские евреи под советской властью, 1939–1941 гг.»<sup>7</sup> — о судьбе еврейского населения присоединённых в 1939–1940 гг. к СССР регионов. Книга базируется на источниках личного происхождения, написанных преимущественно на идише и иврите. В её «говорящем» названии отражена позиция автора: политика Советского Союза (по сравнению с нацистской Германией), осуществлявшаяся на его новых территориях, оказалась для проживавших там евреев всего лишь наименьшим злом.

Среди работ российских историков следует отметить статью О.В. Будницкого<sup>8</sup>, где охарактеризовано положение еврейского населения бывших польских земель, которое оказалось на распутье — между советской властью и соотечественниками-поляками. Историк стремится ответить на вопрос: кем же были евреи в 1939–1941 гг. — сторонниками большевиков, охотно отправившимися служить советской власти, предав тем самым поляков, или не имевшими реального выбора жертвами сложившихся обстоятельств? По мнению автора, образование, которым новый политический режим в равной степени

---

<sup>4</sup> Gross J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Ed. 2. Princeton, 2003.

<sup>5</sup> Владислав Андерс (1892–1970), польский генерал; в годы Второй мировой войны командовал военными формированиями, созданными на территории СССР из числа проживавших там польских граждан.

<sup>6</sup> Pinchuk B.-C. Op. cit.

<sup>7</sup> Levin D. Op. cit.

<sup>8</sup> Будницкий О.В. Слишком поляки для Советов, слишком евреи для поляков: польские евреи в СССР в 1939–1945 // Ab Imperio. 2015. № 4. С. 213–236.

обеспечил всё население присоединённых земель, стало благом для еврейского народа. Вместе с тем, считает Будницкий, после 1939 г. в жизни местных народов появилось множество отрицательных социально-политических и экономических явлений.

Следует отметить, что вышеуказанные труды базируются преимущественно на источниках личного происхождения. Вне поля зрения историков всё ещё остаются материалы бывших советских архивов. Однако именно их изучение поможет уточнить ранее введённые в научный оборот источники, а также исследовать проблемы, касающиеся реакции евреев на кардинально изменившиеся условия их жизни и общих тенденций советской политики на присоединённых территориях.

В данной статье рассмотрена советизация еврейства Западной Белоруссии в общем контексте политики новой власти в сфере образования в 1939–1941 гг. Исследование основано на документах, хранящихся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Гродненской области и Российского государственного архива социально-политической истории. Основную массу используемых источников составляют оперативные сводки НКВД БССР, докладные записки партийных работников высшему начальству, а также протоколы и стенограммы совещаний советской администрации. Кроме того, при написании статьи использованы ранее не опубликованные воспоминания представителей еврейского населения Западной Белоруссии и аудиоинтервью с ними, являющиеся частью архивной коллекции Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне.

### ***Реформирование системы образования***

В 1921–1939 гг. на западных территориях Белоруссии была распространена польская система образования, в соответствии с которой обучение делилось на три ступени: школа; гимназия и лицей; университет. В указанный период (согласно советским подсчётам, произведённым в октябре 1939 г.) в крае действовали 7 199 начальных школ, из которых 6 932 были польскими, 3 — русскими, 263 — еврейскими и 1 — немецкой. Все высшие учебные заведения функционировали исключительно на польском языке. Поступить туда можно было после окончания гимназии и лицея, образование в которых было платным: в государственных — 200–300 злотых в год, в частных — 500–900<sup>9</sup>. Кроме того, в гимназиях и лицеях существовал ценз на приём евреев. Также (по данным о состоянии дел народного образования в Западной Белоруссии от 25 октября 1939 г.) в регионе работали 75 средних специально-ремесленных школ<sup>10</sup>.

С падением Польской Республики в сентябре 1939 г. прежняя система образования на присоединённых территориях прекратила существование, а новая была создана не сразу. Почти всю осень (по крайней мере, до декабря) 1939 г. многие учебные заведения в регионе не функционировали. Ситуация начала меняться после официального присоединения Западной Белоруссии к БССР, т.е. после 2 ноября 1939 г. Так, с 1 декабря планировалось

<sup>9</sup> Малыхина Л.Ю. Социальные преобразования осенью 1939 г. в Бресте // Осень 1939 года: Коренной перелом в судьбе белорусского народа. Брест, 2009. С. 110.

<sup>10</sup> Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 21–27.

перевести местную школьную систему на советскую: начальные школы (1–4 классы), неполные средние (1–7) и средние (1–10). При этом бывшие польские гимназии и лицеи объединили с начальными школами, в итоге возникли неполные средние школы либо средние<sup>11</sup>. Тогда же было провозглашено всеобщее бесплатное образование<sup>12</sup>.

Уже с 15 ноября началась организация трёх- и шестимесячных курсов по переподготовке учителей Западной Белоруссии — теперь их обязали преподавать не на польском, а на русском и белорусском языках<sup>13</sup>. Помимо этого, 1 января 1940 г. в каждом из городов — Белосток, Барановичи, Гродно, Пинск — открылось высшее педагогическое учебное заведение<sup>14</sup>.

Осуществлявшаяся осенью 1939 — летом 1940 г. реформа системы образования официально завершилась в начале 1940/41 учебного года<sup>15</sup>. Однако ввиду тяжёлой экономической и политической ситуации в регионе так и не удалось добиться желаемого результата — эффективного функционирования системы школьного образования. Как и прежде, наблюдался дефицит квалифицированных учителей, а также школьных помещений и учебных материалов.

Почти во всех делопроизводственных документах Коммунистической партии большевиков (КП(б)) Белорусской ССР 1939–1941 гг. имеются сведения о фактической нехватке квалифицированных специалистов. Причин тому было несколько. Во-первых, многие работавшие в годы Польской Республики педагоги, особенно поляки, не вызывали доверия у новой власти и их уволили. Во-вторых, с введением всеобщего начального образования потребовалось большее число педагогов. Например, в феврале 1941 г. в самом густонаселённом городе западных областей БССР Белостоке в начальных школах работали 227 учителей, в неполных средних школах — 219, в полных — всего 55<sup>16</sup>.

Для заполнения образовавшихся лакун власти организовывали курсы переподготовки местных педагогов (белорусов, русских, евреев), целенаправленно обучали выходцев из БССР, желавших работать учителями в её западной части, создавали учительские институты и училища. Однако почти сразу же на первый план вышла новая проблема — некомпетентность новых преподавателей, проявлявшаяся в их незнании языков.

Местные учителя<sup>17</sup>, окончившие курсы переподготовки, не знали обязательных для их работы русского и белорусского языков<sup>18</sup>. Быстрота ликвидации данного затруднения зависела от региональной специфики. Так, в самых западных регионах, большинство населения которых составляли поляки,

<sup>11</sup> РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 32.

<sup>12</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 12–13.

<sup>13</sup> Это не относится к тем еврейским школам Западной Белоруссии, где обучение проходило на идише. Хотя, согласно указанному постановлению, и в еврейских школах в качестве обязательных предметов ввели русский и белорусский языки.

<sup>14</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 12–13.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Государственный архив Гродненской области (далее — ГА Гр), ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 38.

<sup>17</sup> Имеются в виду и белорусы. Хотя белорусское население в то время всё ещё использовало в быту белорусский язык, преподавание в учебных заведениях Польской Республики в 1930-х гг. было уже почти полностью переведено на польский. Таким образом, белорусские учителя не владели литературным белорусским языком в достаточной мере, необходимой для преподавания.

<sup>18</sup> Уроженка г. Белостока Э. Гессен, вспоминала, как её мама, полонист по образованию, попала на подобные курсы: «Помню, как вечерами она зубрила стихи Янки Купалы и Якуба Коласа... а своих учеников она опережала на один, максимум два параграфа по учебнику» (Гессен Э. Белосток—Москва: мемуары. М., 2014. С. 31–32).

решить эту проблему оказалось почти невозможно. В любом случае ситуацию могли изменить только местные власти, но нередко ввиду безвыходного положения они «закрывали глаза» на использование в процессе преподавания польского языка. Иная ситуация сложилась с работниками сферы образования, которые прибыли из восточных регионов Советской Белоруссии. Они, владея как русским, так и белорусским, совершенно не знали языка повседневного общения своих учеников — польского<sup>19</sup>.

На совещании секретарей райкомов КП(б) БССР и начальников РО НКВД её пограничных районов (19–20 сентября 1940 г.) районный комиссар Анисимов пожаловался П.К. Пономаренко, первому секретарю ЦК КП(б) республики (1938–1947): в качестве педагогов из Советской Белоруссии командировали только лиц, окончивших краткосрочные подготовительные курсы, совершенно не знавших польского<sup>20</sup>. Та же картина наблюдалась и в Белостокской обл., где 92% населения составляли поляки. Однако, заявил один из секретарей райкомов Н. Ахимович, присланная из БССР администрация польского языка не знала, но была «директивка»: «командированных» ставить директорами. Вот и получилось, что в районе, которым руководил Ахимович, директор польской школы совершенно не говорил по-польски, поэтому его «не совсем» уважало местное население. На эту реплику из зала раздалось резонное замечание: «Что с ним делать, ведь прислали?»<sup>21</sup>.

Кроме того, прибывшие из восточных областей Белоруссии специалисты зачастую оказывались некомпетентны и как педагоги. Нередко на руководящие должности в учебных заведениях назначали приезжих работников, не имевших ни педагогического опыта, ни высшего образования. И всё это становилось возможным только потому, что существовала соответствующая «директивка»<sup>22</sup>.

В Барановичской обл., например, из 25 директоров средних школ только 8 имели высшее образование, а из 325 директоров неполных средних школ — 29<sup>23</sup>. Что уж говорить о молодых людях, окончивших двухмесячные педагогические курсы. На упомянутом совещании комиссар Едвабновского района Устиновский сообщил, что к ним прислали 80 таких учителей. Некоторым из них ещё не исполнилось 16–17 лет, и они были не готовы к преподаванию<sup>24</sup>.

В системе образования Западной Белоруссии существовали и материальные сложности. Судя по документам, не хватало всего — от школьных помещений до учебников и канцелярских принадлежностей. Отсутствие учебной литературы стало основной проблемой советских школ, училищ, институтов. Особый дефицит составляли советские учебники истории и географии, а также белорусской и русской грамматики. В делопроизводственных материалах

---

<sup>19</sup> Незнание польского языка было проблемой не только учителей, но вообще всей новой советской администрации, назначенной сюда после присоединения к БССР.

<sup>20</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 35.

<sup>21</sup> Там же, д. 16767, л. 8–9.

<sup>22</sup> Присланных из БССР в Белостокскую обл. учителей (251 человек) назначили на руководящие должности: директорами и завучами школ или методистами районных отделов народного образования (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 34).

<sup>23</sup> Там же, л. 69–70.

<sup>24</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16767, л. 8–9, 64.

1939–1941 гг. зафиксированы многочисленные жалобы на то, что учебной литературы не хватало, а кое-где и совсем не было<sup>25</sup>.

После сентября 1939 г. по всей присоединённой территории новая власть отводила под школы помещичьи имения, дома осадников<sup>26</sup>, религиозные здания и другие национализированные строения. Но учебные учреждения не всегда туда переезжали. Как правило, национализированному зданию был необходим ремонт, что в тех условиях оказывалось большой проблемой, решавшейся крайне медленно<sup>27</sup>. Кроме того, ввиду возникшей в западных областях нехватки помещений отведённые под школы здания нередко занимали какие-либо советские учреждения, а иногда — частные лица, категорически отказывавшиеся «уступать свои места» учебным заведениям. Например, уже глубокой осенью 1940 г. в Несвижском районе в нескольких школьных зданиях разместились поликлиника и ясли, а в Лиде — Народный суд и прокуратура<sup>28</sup>. В нескольких школьных помещениях Мостовского района были незаконно организованы жилые квартиры<sup>29</sup>. При этом ещё 11 октября того же года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об освобождении самовольно занятых школьных зданий. Однако его реализация шла крайне медленно — из-за обострившейся жилищной проблемы («захватчики» не уступали помещения, так как им было некуда переезжать). Поэтому в рассматриваемый период ученики ряда школ западных областей учились в три смены и в переполненных классах.

### *Еврейские школы*

В межвоенной Польше существовали два типа еврейских школ — с обучением на идише и на иврите. Ни те, ни другие не имели статуса государственных учреждений и содержались исключительно на деньги еврейских общественных организаций, а также за счёт платы, вносившейся за обучение. Тем не менее во всех этих школах обязательными предметами являлись польский язык и литература, история и география Польского государства. После окончания начальной ступени образования еврейские дети из более зажиточных семей стремились поступить в гимназии, остальные же, получив ремесленные специальности, начинали работать.

В 1939 г. советская власть сознательно создавала на присоединённых территориях те государственные учебные заведения, от которых уже почти отказались в Советском Союзе, — с обучением на языках национальных меньшинств. С сентября родителям детей, обучавшихся в еврейских школах Западной Белоруссии, предложили выбрать: на каком языке те будут учиться, на русском или идише?<sup>30</sup> И хотя еврейские интеллигенты на родитель-

<sup>25</sup> Там же, д. 14630, л. 41–57; д. 14747, л. 62–64.

<sup>26</sup> Осадники (польск. яз. *osadnik* — колонист, поселенец) — польские военнослужащие в отставке, а также гражданские лица и их семьи, получившие по окончании Советско-польской войны 1919–1921 гг. земельные наделы в Западной Белоруссии и Западной Украине.

<sup>27</sup> РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 27, 147–148.

<sup>28</sup> Там же, л. 22–23; д. 222, л. 71–72.

<sup>29</sup> Там же, д. 221, л. 22–23.

<sup>30</sup> В начале XX в. иврит был тесно связан с религией и идеологией сионизма, с которыми советская власть решительно боролась, поэтому связанные с ивритом культура и система обучения были запрещены на государственном уровне ещё в 1918 г.

ских собраниях активно пропагандировали идиш<sup>31</sup>, эти учебные заведения именно по желанию родителей переходили на русский язык<sup>32</sup>. Только зная его, дети могли в дальнейшем продолжить обучение в средних специальных и даже высших учебных заведениях<sup>33</sup>.

По подсчётам Левина, 14 февраля 1940 г. из 5 071 общеобразовательной школы региона на белорусском языке преподавали в 4 048 (79.8% общего числа), на польском — в 538 (10.7), на идише — в 197 (3.9; но к маю 1941 г. — уже в 134 учебных заведениях (2.3)), на русском — в 175 (3.5), на литовском и украинском — в 113 (2.1)<sup>34</sup>.

Хотя в еврейских школах Западной Белоруссии все предметы преподавались на идише, изучение русского и белорусского языков было обязательным (начиная со 2-го класса, по два часа в неделю)<sup>35</sup>. Однако их не знали работавшие там учителя (как и в остальных школах)<sup>36</sup>, поэтому для них тоже организовали курсы переподготовки.

Материальная оснащённость еврейских школ находилась в плачевном состоянии. Самой большой проблемой стало отсутствие учебников на идише. Безусловно, в этих учебных заведениях межвоенной Польши имелась соответствующая учебная литература, но она не соответствовала идеологии Советского государства и поэтому её запретили. В начале 1940 г. в еврейские школы всё же поступили учебники на идише — ещё в 1920–1930-х гг. их использовали в СССР в таких же учебных заведениях, которые затем закрыли. На занятиях в качестве пособий широко применяли еврейскую периодику, особенно литературные журналы<sup>37</sup>.

Согласно еврейской религиозной традиции суббота (Шаббат) является священным днём отдыха, в который запрещено работать. Однако 7 августа 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»<sup>38</sup>. И уже с сентября того же года по субботам еврейские дети вынуждены были писать и рисовать, т.е. нарушать Шаббат. Правда, не совсем ясно, насколько строго исполнялся вышеназванный указ. Согласно секретному постановлению Бюро Белостокского обкома КП(б) Белоруссии от 19 апреля 1941 г., антирелигиозное воспитание в школах было «поставлено крайне слабо»: в дни пасхальных праздников не приходило и половины учащихся, а в еврейских школах многие дети отказывались писать по субботам (школы № 7, 9, 16, 21). Кроме того, некоторые учителя, исходя из своих религиозных убеждений, не проводили антирелигиозную воспитательную работу<sup>39</sup>. Таким образом, до июня 1941 г. в западнобелорусских школах ещё не были распространены антирелигиозные настроения.

<sup>31</sup> *Bender S.* The Jews of Białystok during World War II and the Holocaust. Waltham, 2008. P. 71.

<sup>32</sup> *Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006. P. XV.

<sup>33</sup> *Bauer Y.* Death of the Shtetl. New Heaven, 2009. P. 41.

<sup>34</sup> *Levin D.* Op. cit. P. 94.

<sup>35</sup> ГА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 46–51.

<sup>36</sup> Там же, д. 13974, л. 139.

<sup>37</sup> *Bender S.* Op. cit. P. 72.

<sup>38</sup> ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 3, д. 265, л. 24.

<sup>39</sup> ГА Гр, ф. 309, оп. 1, д. 1, л. 2.

## *Внеурочная деятельность и отношение к ней еврейской молодёжи*

По воспоминаниям бывшей жительницы г. Лиды Л. Эттингер, «успешными» видами советской пропаганды являлись танцы, театральные представления, фильмы, хоры и оркестры («толпы с энтузиазмом посещали эти представления, которые были бесплатными») <sup>40</sup>.

Действительно, в советской Западной Белоруссии «внеурочная» деятельность, в которую учающая молодёжь вовлекали пионерская и комсомольская организации вкуче со школьной системой, «была ключом». Упоминания о посещении кружков и секций, победах в спортивных соревнованиях, об участии в школьных спектаклях, походах в кино и на танцы достаточно часто встречаются в мемуарной литературе. Так, Н. Калеска <sup>41</sup> вспоминает свою сестру, ставшую тогда выдающейся гимнасткой. Г. Басс рассказывает о том, что после прихода Советов каждый молодой человек занимался каким-нибудь видом спорта — в Советском Союзе этому уделялось чрезвычайное внимание. Сам же Басс достиг определённых успехов в лёгкой атлетике <sup>42</sup>.

В пионеры принимали детей с 9 лет, в Ленинский коммунистический союз молодёжи Белоруссии (ЛКСМБ) — с 14. Эти организации начали действовать на западнобелорусских территориях сразу же после их присоединения к СССР.

25 сентября 1939 г. Пономаренко в письме к генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину спрашивал о том, когда можно будет в подконтрольном ему регионе организовать комсомол, и тут же докладывал: «Сейчас готовим 400–500 человек комсомольцев для работы в Западной Белоруссии» <sup>43</sup>. Этим молодым людям предстояло сыграть особую роль в деле создания там «ячеек» ЛКСМБ. И если сначала на этой территории действовали около 500 комсомольцев, то к маю 1940 г. их было уже 7 тыс. <sup>44</sup> Фактически на их плечи легла вся первичная работа по распространению на местах советской идеологии. Они занимались организацией кружков политической грамотности, библиотек и изб-читален, студий художественной самодеятельности, а также подготовкой и проведением советских праздников. Несмотря на ярко выраженный идеологический характер данных мероприятий, в их осуществлении местная молодёжь принимала самое активное участие.

Главными причинами успешности этих методов вовлечения молодых людей в деятельность такого рода стали отсутствие при советском режиме иных возможностей проявления общественной активности, а также размах и общедоступность массовых мероприятий, никогда не проводившихся в Польше. Подтверждением этого или иллюстрацией отношения еврейской молодёжи к комсомольской организации служит рассказ Р.А. Герасимовой о её вступлении в комсомол. На вопрос интервьюера о том, зачем она стала членом ЛКСМБ, был дан такой ответ: «Да что мы понимали тогда в комсомоле при Польше (так в тексте. — Я.К.)! Нас пригласили. Сказали: “Вот Вы будете комсомолкой, иди, Вас райком утвердит”. Были же гарцежи <sup>45</sup> при Польше... Так нас же не брали в гарцежи, только поляков

<sup>40</sup> *Ettinger L.* From the Lida Ghetto to the Bielski Partisans (Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, США (далее — USHMM). RG-02.133. P. 3; здесь и далее перевод с англ. мой. — Я.К.).

<sup>41</sup> Там же. RG-50.030\*0101. 00:11:50.

<sup>42</sup> Там же. RG-50.233\*0005. 00:06:50.

<sup>43</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14623, л. 210–211.

<sup>44</sup> Там же, д. 15137, л. 25.

<sup>45</sup> *Związek Harcerstwa Polskiego*, ZHP (Союз польских харцеров) — польская молодёжная скаутская организация патриотической направленности.

брали. Так мы уже пошли в комсомол. Ну что мы там?.. Единственное, мы собирались. Организовывали песни, танцы и так дальше»<sup>46</sup>.

Зачастую определяющую роль при решении молодого человека стать членом пионерской или комсомольской организаций играло мнение его друзей, уже ставших юными помощниками Коммунистической партии. Например, Р. Марголис, как и Герасимова, вслед за близкими друзьями вступила в ряды ЛКСМБ<sup>47</sup>. Судя по всему, в 1939–1941 гг. в Западной Белоруссии благодаря активной деятельности пионеров и комсомольцев местные молодые люди стали больше общаться. Такие встречи были всегда весёлыми и многолюдными, что, бесспорно, привлекало всё большее число юных жителей. «Я хотел стать пионером, потому что мои друзья были пионерами... — так, совершенно однозначно заявил интервьюеру Д. Каган (из г. Новогрудка). — Если в классе было, например, 30 человек, и 5 из них не являлись пионерами, потому что их не приняли, это было очень незавидная ситуация для этих пяти. Потому что после уроков будут мероприятия и все приглашены, кроме них»<sup>48</sup>.

Таким образом, мероприятия, которые организовывали во внеурочное время комсомольцы и пионеры в школах и за их пределами, стали весьма популярны среди еврейской молодёжи. Это в значительной мере способствовало её советизации<sup>49</sup>, что подтверждают многочисленные свидетельства. Например, Я. Хейфец пишет, что постепенно в его школе молодые люди привыкли к установленным новым правилам и образу жизни советских комсомольцев<sup>50</sup>. Очевидно, поэтому никого не смущала постановка на идише школьного спектакля про героя Павлика Морозова<sup>51</sup>. Х. Борнстейн-Белицка, вспоминая фильмы о патриотах-стахановцах, которые шли в кинотеатрах г. Гродно, отмечает: «Мы отождествляли себя с тем, что видели на экранах. Это соответствовало нашим мечтам и тому миру, который мы хотели построить»<sup>52</sup>.

Важно отметить, что вышеприведённые сюжеты — это воспоминания о молодых годах, которые, как известно, одинаково прекрасны, независимо от того, проходили ли они в комсомольской или сионистской организации. Л. Фишер-Ли так характеризует особенность восприятия тех лет: «В конце концов, мы, дети, привыкли к галстукам... Пока взрослые решали свои проблемы, мы, наслаждались школьной жизнью и разнообразием развлекательных событий в городе»<sup>53</sup>.

### ***Высшее и среднее специальное образование***

2 ноября 1939 г. на территории Западной Белоруссии были введены советские системы: школьного, высшего и среднего специального образования. Большинство работавших в 1939–1940 гг. средних специальных училищ

---

<sup>46</sup> USHMM. RG-50.378\*0004. 00:38:30.

<sup>47</sup> См.: *Марголис Р.* Немного света во мраке. Вильнюс, 2006.

<sup>48</sup> USHMM. RG-50.149\*0022. Part 2. 00:01:16.

<sup>49</sup> Подобное отношение к советской власти, школьной системе и молодёжным общественным организациям не было характерно для юных поляков.

<sup>50</sup> USHMM. RG-50.929\*0001. Part 2. 00:09:00.

<sup>51</sup> *Мардухович М.* Местечко Желудок // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 299.

<sup>52</sup> *Izhar N.* Chasia Bornstein-Bielicka: One of the Few. A Resistance Fighter and Educator, 1939–1947. Jerusalem, 2009. P. 92.

<sup>53</sup> *Fisher-Lee L.* Girl from Oszmiany: The Story of My Life: As told to Georg Lee. [United States: Leah Fisher-Lee], 2009. P. 11–12.

возникли на базе существовавших в этом регионе польских ремесленных училищ, где в основном обучали ремесленным и техническим специальностям. При новой власти были объявлены наборы на новые специальности, в которых на тот момент имелась особая потребность. Так, житель г. Слонима А. Дерман в 1940 г. стал киномехаником. Он рассказал, что, «отрабатывая» бесплатность годового курса своего обучения, какое-то время разъезжал по местечкам и деревням Западной Белоруссии и показывал их жителям советские пропагандистские фильмы<sup>54</sup>.

Там не хватало и квалифицированных учителей, поэтому были открыты педагогические училища, где готовили воспитателей детских дошкольных учреждений (Волковыск) и учителей начальной школы (Белосток, Гродно)<sup>55</sup>. Кроме того, в 1939–1941 гг. в регионе существовали Рабфаки и школы фабрично-заводского обучения<sup>56</sup>.

С 1939 г. там же действовали четыре высших учебных заведения — все с педагогическим профилем. Среди них выделялся находившийся в Белостоке педагогический институт с четырёхлетним курсом обучения, выпускники которого становились преподавателями средних специальных учебных заведений. В Барановичах, Гродно и Пинске работали «учительские институты», готовившие в течение двух лет преподавателей для неполных средних и средних школ<sup>57</sup>. Кроме того, местная молодёжь получила возможность учиться в институтах крупных советских городов. Зачастую молодые люди продолжали образование в вузах Львова и Минска. Но лишь немногие «пробовали счастье» в Москве и Ленинграде: выходцам из бывшей Польши поступить в высшие учебные заведения РСФСР было особенно трудно — требовалось выдержать вступительный экзамен по русскому языку. Его же к тому времени, как известно, жители западных областей ещё не освоили<sup>58</sup>.

Однако со 2 октября 1940 г. высшее образование для многих жителей бывших польских территорий стало менее доступным. Тогда СНК СССР принял постановление № 637 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий» (отменённое только в 1956 г.)<sup>59</sup>. В документе указывалось, что «согласно возросшему уровню материального состояния трудящихся» часть расходов на образование возлагалась на самих граждан. Стоимость обучения составляла в год от 200 руб. (в старших классах) до 500 (в художественных, музыкальных и театральных институтах)<sup>60</sup>. Значительно ограничивалось и количество выплачиваемых стипендий<sup>61</sup>.

В партийном архиве КП(б) Белоруссии были собраны в отдельное дело материалы перлюстрации писем студентов — выходцев из западных областей.

<sup>54</sup> USHMM. RG-50.030\*0299. 00:23:47.

<sup>55</sup> РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 228, л. 33.

<sup>56</sup> Там же, оп. 22, д. 226, л. 53–54.

<sup>57</sup> Там же, оп. 1, д. 228, л. 31.

<sup>58</sup> Гессен Э. Указ. соч. С. 39.

<sup>59</sup> Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. № 27. С. 910–911.

<sup>60</sup> В ноябре 1940 г. в это постановление были внесены поправки: наполовину была урезана плата за обучение учащихся 8–10 классов, отменена плата за обучение военным, театральным, музыкальным и хореографическим специальностям.

<sup>61</sup> Согласно данному постановлению, студенты обязаны были сдать экзамены так, чтобы не менее одной трети оценок были «отлично», а остальные — «хорошо».

В них описаны происходившие в учебных заведениях изменения и возникавшие по этому поводу переживания студентов<sup>62</sup>. Безусловно, их общее настроение в связи с установлением платы за обучение было довольно пессимистичным. В письме, отправленном в г. Вилейку, читаем: «Сегодня настроение моё плохое. Пришёл на занятия, просидел лекцию и ушёл. Так сделали больше половины наших студентов... Маня, не можешь себе представить, что творится сейчас в учебных заведениях, — очень большая паника, шум, нет дисциплины»<sup>63</sup>.

Для студенческой корреспонденции стало характерным и скептическое отношение к государственной политике в целом: «“Веселенькое” настало время, нечего сказать. Что день, то легче дышится»; «Вот тебе и “молодым везде у нас дорога”»<sup>64</sup>. Кроме того, здесь описаны протестные студенческие настроения, имевшие место в белорусских вузах. «Ты себе не представляешь, — отмечено в отправленном в г. Белосток письме, — что творится в институте. Если можно так выразиться, то целые бунты. Лекции не слушают, идут наперекор ассистентам, шумят, кричат, не идут вообще на лекции... Пишут такие записки, прямо ужасно. Например: “как Вас теперь назвать — товарищ профессор, или господин профессор, ведь мы идём к старому?”»<sup>65</sup>. Из письма, отправленного в Пинскую обл.: «Сейчас ничего не делаем. Играем целый день в карты, пьём водку со всеми вытекающими отсюда последствиями... В Физкультурном институте все студенты ушли с митинга, а у нас митинг вообще боялись проводить»<sup>66</sup>.

Когда начала искать работу масса молодых людей, отчисленных в одночасье из вузов, расположенных, как правило, в крупных городах, там возникла безработица. Так осенью 1940 г. многие учебные заведения Советского Союза резко обезлюдели. О том, как пытался решить данную проблему директор учительского института в г. Барановичи, узнаём из письма одного из его студентов: «У нас поднялась паника. Каждый пошёл либо в Облотдел народного образования, либо в другие места искать себе работы. Но директор, чтобы задержать учеников, зателефонировал во все учреждения, чтобы нас не принимали на работу. Он потешает (так в тексте. — Я.К.) нас, что за этот месяц мы стипендию получим, а дальше видно будет. Но так как в Указе Верховного Совета говорится о лишении стипендии, то нужно быть уверенным в том, что её не будем получать. Создаётся трудное положение, за институт нужно платить 300 руб. в год, кроме этого, нужно платить ежемесячно 13 рублей на государственные займы. Я тоже ходил в Областной отдел народного образования, чтобы получить работу в качестве учителя, но благодаря звонкам директора по всем учреждениям, меня не приняли. Они сказали, чтобы я принёс справку от директора, что он меня освободил. Директор этой справки не дал. Некоторые студенты устроились работать, но директор их оттуда снял с расчётом, чтобы учились. Одним словом, насильно держат учеников»<sup>67</sup>.

---

<sup>62</sup> НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16849.

<sup>63</sup> Там же, л. 9.

<sup>64</sup> Там же, л. 30, 47; данные строки — из «Песни о Родине» (композитор И.О. Дунаевский, слова В.И. Лебедева-Кумача), впервые прозвучавшей в советском фильме «Цирк» (1936); впоследствии эти слова широко употреблялись как в прямом, так и в переносном смысле, в зависимости от ситуации.

<sup>65</sup> Там же, л. 8.

<sup>66</sup> Там же, л. 34.

<sup>67</sup> Там же, л. 47.

А вот — одно из самых оригинальных описаний реформ высшего образования осенью 1940 г. (в одном из писем, проверенных НКВД БССР):

«Осень подкралась густыми туманами,  
Голые деревья стоят великанами,  
Жёлтые листья безжизненно падают,  
Кроны густые уж глаза не радуют...

Медленно, важно студенты идут,  
Больше стипендии им не дадут.  
Нечего, значит, сегодня спешить,  
в ВУЗ за учёные надо платить.

Утром в трамвае ужасная давка,  
Очередь длинная липнет к прилавку,  
Всюду свой нос эти бабы суют,  
Что вы сидите? Там мыло дают.

Мне надоело без дела ходить,  
Вот и решил я стихи настрочить,  
Как они вышли, я им не судья,  
В книгах, газетах печатать нельзя»<sup>68</sup>.

К сожалению, никаких сведений о евреях-студентах в сложившейся ситуации пока не найдено. Очевидно, данные изменения коснулись их в той же мере, что и всех остальных.

Таким образом, в 1939–1941 гг. в Западной Белоруссии шло постепенное создание советской системы образования, главным достоинством которой должно было стать отсутствие всякой дискриминации в возможностях получения гражданами знаний. Данный принцип особенно привлекал еврейское население. Уроженка Гродно Борнштейн-Белицка подчёркивает, что тогда советская власть предоставила образовательные возможности для тысяч еврейских детей. Сама она на тот момент хотела учиться, поэтому была благодарна партии за то, что её, еврейского ребенка из семьи среднего достатка, приняли в государственную старшую школу, по окончании которой она могла поступить в университет<sup>69</sup>.

Для школ Западной Белоруссии рассматриваемого периода был характерен постоянный дефицит школьных помещений, квалифицированных преподавателей, учебной литературы и канцелярских товаров. Всё это, безусловно, негативно сказывалось на ходе и результатах обучения. Несмотря на официальное введение преподавания русского и белорусского языков (а в некоторых школах — полный перевод на них учебного процесса), в западнобелорусских школах всё ещё широко использовался польский язык и идиш.

Наряду с некоторыми «провалами» в реформировании школьной системы успешной оказалась советизация (хотя и постепенная) местной молодёжи. Благодаря участию в работе пионерской или комсомольской организаций молодые люди наравне с взрослыми могли влиять на общественную и политическую жизнь региона. Именно поэтому мероприятия, проводившиеся пионерами и комсомольцами, были чрезвычайно популярны среди местной еврейской молодёжи. При советской власти тысячи еврейских детей могли обучаться, не опасаясь антисемитизма, и активно участвовать в жизни края. Этот немалочисленный контингент населения был наиболее восприимчив к советской пропаганде, впитывая, как губка, ценности и идеалы Страны Советов, чего нельзя было сказать о поколении их родителей. В 1939–1941 гг. они боролись за выживание в условиях распространявшихся по региону репрессий, бандитизма и других негативных социально-экономических явлений.

<sup>68</sup> Там же, л. 21.

<sup>69</sup> *Izhar N. Op. cit.* P. 92.

В Западной Белоруссии новая власть создавала государственные еврейские школы, преподавание в которых шло на идише. Их программы не отличались от тех, по которым работали остальные общеобразовательные учебные заведения. В еврейских школах также проходили уроки атеизма и истории ВКП(б), демонстрировались спектакли, посвящённые советским патриотам и героям труда. Однако и этим школам тоже не хватало преподавателей, помещений, учебной литературы и т.д. Кроме того, наблюдалась тенденция преобразования ряда этих учебных заведений в русскоязычные, причём по воле родителей учащихся.

В 1940 г. не слишком хорошо обстояло дело с распространением среди местной молодёжи среднего специального и тем более высшего образования. Причиной тому стало введение на данных ступенях образования неподъёмной для многих платы за обучение. Это нововведение способствовало разочарованию социальной политикой Советского Союза со стороны происходивших из небогатых семей студентов и абитуриентов высших и средних специальных учебных заведений.

В целом в 1939–1941 гг., проводя в Западной Белоруссии политику в сфере образования, новая власть (даже имея ряд материальных и технических недостатков) успешно осуществляла свою основную цель — воспитать из бывших подданных буржуазного государства верных «советских граждан». Особенно благодатной почвой для этого стало еврейское население, ведь слишком очевидной была разница между бесправностью евреев в Польской Республике и предоставленным им советской властью равноправием. Поэтому, несмотря на последовавшие тогда ограничения экономической<sup>70</sup>, религиозной, политической и других гражданских свобод, отношение местного еврейского населения к советской политике в сфере образования (прежде всего общедоступного) было положительным.

В начале Великой Отечественной войны процесс советизации евреев Западной Белоруссии прервался. Поэтому сложно сказать, чем бы в большей степени обернулись для местного еврейского населения начавшиеся преобразования: новыми возможностями или разрушением этнической самобытности? Неизвестно, чем увенчалась бы, в конечном счёте, данная политика, ведь почти все жившие в этом регионе евреи не успели эвакуироваться и погибли во время Холокоста<sup>71</sup>. Тем не менее я полагаю, что рассмотренный в данной статье процесс всё же проходил достаточно результативно. Не будь войны и Холокоста, в скором времени произошла бы унификация положения «польских евреев» и советских граждан «еврейской национальности».

---

<sup>70</sup> См.: Карпенкина Я.В. Еврейское население и экономические преобразования в Западной Белоруссии, 1939–1940 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 25–29.

<sup>71</sup> Бернштейн Ю. Шанс уцелеть // Ab Imperio. 2015. № 4. С. 172.